

женія, и привлекалъ ее къ этому служенію — заключается его огромная заслуга передъ Русскою Церковью, какъ ректора Духовной Академіи. И эта заслуга никогда не должна быть забыта или умалена.*)

Лично для меня Владыка Антоній имѣлъ и имѣеть то незабвенное значеніе, что онъ вывелъ меня изъ того нравственнаго тупика, въ которомъ я очутился въ мои университетскіе студенческіе годы, и открылъ мнѣ тотъ новый жизненный путь, на которомъ я нашелъ полное нравственное удовлетвореніе. Ему я обязанъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ. Вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ Духовную Академію и вступилъ на путь священства, указанный мнѣ Владыкою Антоніемъ, и никогда, за все эти долгіе годы, не явилось у меня и тѣни сожалѣнія о томъ, что я отдалъ свою жизнь и свои силы Служенію Христовой Церкви, и я съ глубокимъ благодарнымъ чувствомъ къ Богу могу только повторить послѣднія предсмертныя слова св. Іоанна Златоуста: „Слава Богу за все!“

И этимъ своимъ счастьемъ я обязанъ Владыкѣ Антонію!

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

1935. 4. IX.

Пюхтицкій монастырь
въ Эстоніи.

Новый этапъ.

Прошло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникло наше Движеніе. Мы пережили за эти годы много существенныхъ и глубокихъ перемѣнъ, прошли нѣсколько знаменательныхъ этаповъ въ развитіи Движенія, — да и сейчасъ находимся въ разгарѣ напряженныхъ исканій, въ извѣстной растерянности, которая требуетъ творческаго преодоленія. Въ Движеніи нашемъ было, быть можетъ слишкомъ много разныхъ сдвиговъ и кризисовъ, слишкомъ легко возникали и возникаютъ новыя начинанія и упрямыя исканія новыхъ путей; вообще оно все еще не отлилось въ „окончательныя“ формы. Кое кого среди насъ это поражаетъ и смущаетъ, а съ другой стороны — всѣ эти

*) Вліяніе Владыки Антонія на Академическую молодежь было до такой степени плодотворно, что вельзя не пожалѣть о его послѣдующемъ перемѣщеніи на епархію. Ему слѣдовало бы до конца жизни оставаться въ Академіи воспитателемъ молодежи, что не помѣшало бы ему быть и Епископомъ и Архіепископомъ и Митрополитомъ.

измѣненія и исканія не являются ли свидѣтельствомъ жизненной силы, животворящаго вдохновенія, которое не угасаетъ въ Движеніи? Задачи, которыя стоятъ передъ Движеніемъ, съ годами становятся все болѣе сложными, — и если смѣлы и порывисты были первыя начинанія Движенія, то сейчасъ этой смѣлости, этой рѣшимости итти на встрѣчу новымъ и труднымъ заданіямъ стало даже больше. Творческій порывъ, свободная отдача своихъ силъ тому, что влечетъ къ себѣ, какъ новая работа, это драгоцѣннѣйшее чутье новыхъ „темъ“, новыхъ путей работы, — все это не ослабѣло въ Движеніи, а наоборотъ возрасло — нѣсколько даже непропорціонально нашимъ силамъ. Оттого такъ часто сейчасъ въ Движеніи ощущается „надрывъ“, серьезная переутомленность, потребность „уйти въ личную жизнь“. Кое кто и уходитъ — иногда совсѣмъ отходить, иногда потомъ возвращается къ намъ, — а Движеніе все такъ же стремительно бѣжитъ впередъ, несмотря на все возростающія трудности и препятствія.

За 12 лѣтъ мы пережили очень сложную и внѣшнюю и внутреннюю эволюцію. Кое гдѣ угасли или почти угасли старыя очаги Движенія, но за то — выросли новыя въ другихъ мѣстахъ; кое-кто, уйдя изъ Движенія, началъ „свое“ дѣло внѣ его, но все цѣнное, горячее и свѣтлое, что въ этихъ „своихъ“ дѣлахъ есть, является, по существу, продолженіемъ и самостоятельнымъ развитіемъ того, чѣмъ жило и живетъ Движеніе. Чрезвычайно измѣнились финансовыя условія работы Движенія, — наши финансовыя возможности стали очень скромными, и это очень серьезно ударило по Движенію. Мы теперь почти не можемъ созывать общіе съѣзды, хотя они особенно сейчасъ нужны, въ виду усиленнаго внутреннего процесса возникновенія и уточненія новыхъ теченій и направленій въ Движеніи и внѣ его, — и это сказывается очень неблагоприятно на самоощущеніи Движенія. Но и это не подкосило насъ, не убило творческаго духа, — только труднѣе и болѣзненнѣе стали проходить мы этапы своего развитія.

Движеніе осталось вѣрнымъ своему изначальному замыслу, но это единство Движенія, при наличности все возростающей въ немъ сложности и уточненіи отдѣльных направленій и видовъ работы, становится все труднѣе ощутимымъ. Конечно, основа единства Движенія — въ его вѣрности основной идеѣ, но самое пониманіе этой идеи, формулированіе ея, конечно, не остается однимъ и тѣмъ же. Если съ этой стороны подойти къ характеристикѣ Движенія въ его эволюціи, то мы, несомнѣнно, вступили въ

послѣдніе годы въ новый этапъ. Осмыслить то, что произошло въ Движеніи за послѣдніе годы, уяснить „діалектику“ нашихъ измѣненій и перестроекъ мнѣ и хотѣлось бы въ данной статьѣ. Но заранѣе скажу: о новомъ этапѣ Движенія слѣдуетъ говорить лишь въ отношеніи къ существующимъ въ практикѣ формамъ работы, — но отнюдь не въ отношеніи къ его существу, къ его центральной идеѣ. Эта идея осталась всей той же, какой она встала передъ нами на первомъ съѣздѣ въ Пшеровѣ (1923 г.). — Основной паюсъ Пшеровскаго съѣзда имѣлъ „миссіонерскій“ характеръ. — Съѣздъ воодушевилъ всѣхъ насъ — участниковъ — горячимъ сознаніемъ нашего долга по отношенію къ русской молодежи, отошедшей отъ Церкви, утратившей вѣру въ Бога. Но съ самого же начала мы поняли эту „миссіонерскую“ задачу достаточно глубоко, выдвинувъ идею „оцерковленія жизни“. Движеніе не „выдумало“, не „изобрѣло“ этой идеи — а получило ее въ наслѣдство отъ всей русской религіозной мысли XIX и XX вѣковъ. Но для Движенія было характерно то, что оно загорѣлось этой идеей, не какъ идеей только, а приняло, какъ и *содержаніе* своего миссіонерскаго дѣла, приняло ее къ исполненію, къ живому воплощенію ея въ жизнь. Все своеобразіе Движенія, опредѣляющее его мѣсто въ исторіи русской религіозной идеи, какъ разъ въ томъ и заключается, что оно захотѣло быть творческой силой жизни, а не чисто идеологическимъ движеніемъ. Здѣсь именно, въ этомъ пунктѣ, лежитъ ключъ къ пониманію внутренней діалектики въ эволюціи нашего Движенія. Лозунгъ „оцерковленіе жизни“ былъ — съ одной стороны, призывъ къ личному духовному дѣланію, — и въ этой своей сторонѣ онъ углублялъ церковность Движенія; это завершилось черезъ нѣсколько лѣтъ тѣмъ, что Движеніе почувствовало потребность имѣть своего духовнаго руководителя — священника Движенія, ставъ тѣмъ окончательнымъ церковнымъ братствомъ, „малой Церковью“. Возникновеніе храма Движенія, какъ молитвеннаго средоточія Движенія, оформило и закрѣпило церковность Движенія, которое сознаетъ себя силой Церкви, призванной къ тому, чтобы служить молодежи и возвращать ее къ вѣрѣ. — Но въ лозунгѣ „оцерковленіе жизни“ была и другая сторона, въ которой Движеніе цѣликомъ примыкало къ тому, что завѣщала русская религіозная мысль XIX и XX вѣка. „Оцерковленіе жизни“ знаменовало призывъ къ возстановленію христіанской цѣлостности жизни, означало невозможность мириться съ омірщеніемъ

жизни, съ отрывомъ ея отъ Церкви. Иными словами говоря, Движеніе встало передъ огромной и безмѣрной по своему смыслу задачей принять участіе въ томъ историческомъ сдвигѣ, котораго всегда требовало русское религиозное сознаніе — начиная отъ Славянофиловъ и Гоголя и кончая Вл. Соловьевымъ. „Оцерковленіе жизни“ съ этой точки зрѣнія означаетъ оцерковленіе культуры, возвратъ къ теократической идеѣ — но не въ ея средневѣковомъ (клерикальномъ) смыслѣ, при которомъ дѣло шло вовсе не о владычествѣ Божиѣмъ, а о власти клира. Послѣ Вл. Соловьева съ его пламенной проповѣдью теократической идеи, понятой въ духѣ свободы, тема оцерковленія культуры означала для всѣхъ насъ призывъ къ тому, чтобы искать выхода изъ тупиковъ внѣрелигиозной, омѣрщенной культуры, искать новой цѣлостной культуры, благодатно освящаемой силами Церкви. Сама миссіонерская задача — итти къ молодежи съ проповѣдью Христовой правды — получила въ лозунгѣ „оцерковленіе жизни“ очень существенное оформленіе, ибо для насъ было ясно, что отходъ молодежи отъ Церкви, отъ вѣры есть лишь частичное выраженіе общаго отхода культуры отъ Церкви. Молодежь дышала и дышетъ отравленнымъ воздухомъ того страшнаго разрыва между вѣрой и культурой, который обозначился послѣдніе вѣка во взаимоотношеніяхъ Церкви и культуры: молодежь впитываетъ въ себя мотивы внѣрелигиозной, обособившейся отъ Церкви культуры, ея паѣосъ, — начиная съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что молодежь не чувствуетъ жизни Церкви, не сознаетъ ея творческой, вдохновляющей и освящающей силы и остается равнодушной къ попыткамъ Церкви привлечь къ себѣ молодыхъ сердца. Сами призывы Евангелія къ правдѣ и жизни въ любви получали въ путяхъ омѣрщенной культуры значеніе отвлеченнаго „идеала“, т. е. теряли свой живой и дѣйственный смыслъ, какъ раскрытіе передъ нами пути спасенія и преображенія. Поэтому величайшимъ счастьемъ для Движенія было то, что, загорѣвшись миссіонерскимъ порывомъ, оно одновременно написало на своемъ знамени такія глубокія слова, какъ „оцерковленіе жизни“: это не только давало правильное направленіе въ пониманіи самой миссіонерской задачи, но сразу же опредѣляло съ достаточной ясностью источникъ современнаго духовнаго оскудѣнія и пути его преодоленія...

Мы съ самого начала не были, по милости Божіей, чисто идеологическимъ или „христіанско-самообразова-

тельными“ движеніемъ, но были устремлены къ живой жизни, хотѣли стать хотя бы и скромной, но реальной церковной силой: это уже было залогомъ цѣлостности, ибо самыя чистыя и подлинныя вѣрованія и идеи, не зажигающія творческаго устремленія къ ихъ воплощенію, неизбѣжно остаются отвлеченными. Но путь цѣлостности, понятый не въ отношеніи только къ личной жизни, но и въ отношеніи къ жизни социальной и исторической предполагаетъ „оцерковленіе“ самой жизни, предоставленіе Церкви, какъ духовному средоточію и освящающему началу, центрального мѣста въ жизни. Передъ лицомъ того, что представляетъ современная жизнь во всемъ богатствѣ и полнотѣ ея культурнаго творчества, ея идейнаго содержания, — идея оцерковленія жизни должна была получить болѣе точную и практически содержательную формулировку. Къ этому Движеніе шло стихійно, прорабатывая для себя основныя темы, опредѣлявшіяся основнымъ паеосомъ Пшеровскаго Съѣзда. Къ 1929 г. — къ общему Съѣзду въ Буасси — этотъ процессъ дошелъ до необходимой четкости; такъ родилась „идеологія“ Движенія, сформулированная на съѣздѣ, какъ „система православной культуры“.

Это былъ уже новый этапъ въ идейномъ осмысленіи того самого миссіонерскаго порыва, который вдохновлялъ Движеніе съ самого начала. Новымъ онъ былъ не въ томъ смыслѣ, что измѣнилъ прежній лозунгъ, а въ томъ, что далъ точную и жизненно опредѣленную формулировку совокупности тѣхъ задачъ, которыя выступали передъ Движеніемъ. Дѣйствительно, начиная съ 1926 г., въ Движеніи стали оформляться — одно за другимъ — новыя направленія его работы. Рядомъ съ основной задачей религиозной работы среди студенческой молодежи возникли и окрѣпли слѣдующія формы движенческой дѣятельности: 1) работа среди подростковъ, организація дружинъ Витязей и Дружинницъ (1926—27 г.), 2) работа среди дѣтей (1927—28 г.), 3) т. наз. экуменическая работа (1927 г.), 4) социальная работа (1931 г.) и 5) работа среди крестьянской молодежи (1932), завершившаяся возникновеніемъ христ. Движ. среди крест. молодежи. Всѣ эти формы работы возникали органически, можно сказать стихійно, — и, конечно, ихъ было бы очень трудно вмѣстить въ программу „оцерковленія жизни“ понятой узко и только „лично“. Въ новой же формулѣ — „строительство православной культуры“ — была найдена идеологическая база, уясняющая не только живое единство всѣхъ

формъ работы, но и опредѣляющая самое направленіе и содержаніе ихъ, какъ выявленіе того основного заданія, которымъ жило и живетъ Движеніе. Самое исканіе „идеологической базы“ для связыванія различныхъ формъ работы нѣсколько запаздывало по сравненію съ ихъ реальнымъ появленіемъ, — но это совершенно понятно: по существу Движеніе все время было единымъ и цѣлостнымъ, но скорѣе все же въ своей динамикѣ, въ своей психології, а не въ своей конкретной работѣ. Что напр. общаго между экуменической и социальной работой Движенія или экуменической и педагогической работой? То, что всѣ онѣ питаются отъ одного и того же церковно творческаго вдохновенія, ихъ психологическая и динамическая близость, — это не устраняетъ всетаки отсутствія связи въ разныхъ работахъ со стороны ихъ содержанія. Я боюсь, что для очень многихъ членовъ Движенія разныя формы работы такъ и остаются едиными лишь въ ихъ творческомъ исходномъ пунктѣ, что въ содержаніи самихъ видовъ работы уже не усматривается идейной связи. Если бы мы на этомъ застыли, т. е. если бы мы не могли найти формулу, не внѣшне, не психологически только объединяющую всѣ виды работы, но вскрывающую „діалектическую“ связь, внутреннее единство Движенія въ идейномъ аспектѣ, — то это было бы большимъ крахомъ Движенія. Вотъ почему формулированіе задачъ Движенія въ терминахъ „строительства православной культуры“ пришло во время, чтобы раскрыть идейную цѣлостность Движенія.

Что педагогическая, социальная и народная работа легко могутъ быть поняты въ своемъ единствѣ, какъ различныя стороны въ строительствѣ православной культуры, — это, конечно, ясно само собой. Одно развѣ только надо подчеркнуть — это то, что въ нихъ такъ же живетъ основная миссіонерская задача Движенія, какъ и въ работѣ среди студенческой молодежи. Совсѣмъ не случайно, что и въ педагогической и въ социальной и въ народной работѣ Движеніе шло и идетъ все время „своимъ“ путемъ, внося во всѣ формы работы то начало цѣлостности и церковности, котораго оно ищетъ всюду. Весьма любопытно, что напр. въ педагогической работѣ (примыкающей къ формамъ т. наз. „внѣшкольной работы съ молодежью“) Движеніе, будучи часто очень кустарнымъ и даже примитивнымъ, часто лишь ощупью находя свой путь, все же по качеству работы, по ея стилю и духу глубоко и существенно отлично отъ всѣхъ формъ внѣ-

школьн. работы въ современной культурѣ. Дѣло здѣсь во-
все не въ томъ только, что для насъ Церковь стоитъ въ
самомъ центрѣ нашихъ педагогическихъ дѣлъ, — а еще
больше въ томъ, что все содержаніе педагогическаго дѣла
мы хотѣли и хотимъ обновить въ смыслѣ внутренней цѣ-
лостности. Это, трудно уловимое, но очень глубокое и
настойчивое преодолѣніе духа обособленности
отъ Церкви, духа секуляризаціи въ куль-
турѣ — поскольку этотъ духъ владѣтъ внѣшкольной
работой — и есть источникъ того своеобразія, которое
присуще нашей педагогической работѣ — даже въ ея
примитивныхъ формахъ. — Еще сильнѣе и значительнѣе
по своему смыслу тотъ духъ работы, который присущъ
всѣмъ социальнымъ начинаніямъ Движенія. Они такъ
отличны — опять же часто стоя на примитивной, кустарной
стадіи — по своему типу и стилю отъ классическихъ
формъ социальной работы въ современномъ обществѣ,
фатально приобрѣтающей характеръ „благотворитель-
ности“ — со всѣми тѣми мучительными и страшными
особенностями ея, о которыхъ когда то написалъ свою
изумительную книгу („Такъ что же намъ дѣлать?“)
Л. Толстой.

Я не вхожу въ подробности; не въ нихъ сейчасъ дѣло,
но дѣйствительно — и педагогическая и социальная и на-
родная работы не только психологически опредѣлялись
духомъ Движенія, но и по своему содержанію они искали
того же возстановленія органической цѣлостности, того же
преодолѣнія духа секуляризаціи, какого искала и ищетъ
вся система православной культуры.

Но ничто такъ глубоко и значительно не вскрываетъ
сущности Движенія (какъ строительства православной
культуры), какъ экуменическая работа Движенія. Но объ
этомъ нужно говорить отдѣльно, въ особой статьѣ, — и
только послѣ того, какъ намъ станетъ понятна діалекти-
ческая связь экуменической работы съ задачей построенія
православной культуры, только тогда намъ откроется ясное
пониманіе того новаго этапа, на который медленно, но
неуклонно вступаетъ наше Движеніе.

В. В. Зѣньковскій.